

Александр Сергеевич

Приемник

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Малышев

Приемник

<https://litres.ru/74507933>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать лет она хранила тайну. И вот пришло время передать ношу.

Мария — бывший сотрудник спецлаборатории, знает: за каждой закрытой дверью прячется нечто, что лучше не видеть. Колба с красной жидкостью, дата на дне — 13.09.88 — и чувство, что за ней всё ещё следят. Она не знает, кому доверить эту ношу, пока не слышит имя своего внука — Артём.

«Приёмник» — третья книга мрачной трилогии о дверях, которые не стоит открывать. Здесь раскрывается, откуда взялась колба, кто такие «помощники» масонов и почему молчание — единственный способ выжить.

Если ты уже прочёл первую и вторую книги — ты знаешь, что будет дальше. Если начинаешь с этой — ты увидишь, с чего всё началось.

Александр Малышев

Приемник

Глава 1 Роковая женщина

Меня зовут Мария Степановна. Мне 59. На дворе конец лета. Жара ещё стояла, но уже спадала. А в апреле мы поехали.

Я должна была отдыхать. Где-нибудь на пляже, знакомиться с кем-нибудь, пить лимонад, загорать. Нормальное лето. Отдых, жара, покой. Но меня отправили в поездку. Под грифом «секретно». Не спрашивали — сказали. Собирайся, Мария. Завтра утром. Билеты, документы, цель — в конверте. Конверт — не открывать до выезда.

Я любила такое. Необычное. Опыты над людьми, секретные лаборатории, аномалии. Мне нужно было всегда докопаться до истины.

Меня хрен остановишь — это в отделе знали все.

Но парня не было. В основном из-за работы.

Приходили, уходили — никто не задерживался. Женщина я ещё ничего. Умная, красивая. Не без этого. Но кому нужна красота, если ты в три часа ночи сидишь над папкой с грифом «Совершенно секретно» и вместо «я люблю тебя» говоришь «объект сменил курс»?

Состояла на учёте у хороших людей в КГБ. Меня называли роковой женщиной — в отделе по обеспечению государ-

ственной безопасности. Звучит красиво. На деле — значит, что я знаю слишком много, а уйти не могу. Не потому что не отпустят — потому что некуда. Это единственная работа, где я могу быть собой. Все остальные роли — на сцене. Эта — в жизни. Я знала таких людей, которые скрывались годами. Или — их намеренно скрывали. КГБ умеет прятать так, что человек живёт в обычном доме, на обычной улице, ходит в обычный магазин — а его нет. Ни в одном списке, ни в одной базе. Вычеркнут. Стёрт. Как будто не родился. Но это я так — молчок. Не мне рассказывать. Мне — исполнять.

Я точно знала, что на самом деле происходит в КГБ. Что там проводят учёные. Люди считали, что слухи — про опыты, препараты, мутации. Но нет. Это правда. Я видела документы. Видела фотографии. Видела результат. И делала вид, что не видела. Профессия.

Как-то я стала свидетелем таких слухов. На удивление — от подруги. Не от агента, не от куратора — от подруги. Мы сидели у меня на кухне, пили вино, и она вдруг — тихо, осторожно, оглядываясь на окно — рассказала.

Пробралась, говорит, в закрытую лабораторию. Под домом. У неё сосед — странный, заросший, вечно в халате. Она видела, как он спускается в подвал через люк. Полезла за ним. Не сразу — потом, когда его не было.

И увидела. Скелеты животных. Банки с жидкостью. Шприцы. Запах — такой, что её вырвало. И — щенка. На привязи. Маленького, лопоухого, в темноте. Один, среди

трупов и формалина. — Что за живодёр мог там оставить щенка? — подумала я.

И слушала её — с радостью и с удивлением.

Зная, что то, что она говорит, — чистая правда.

Но нельзя было подавать вид. Нельзя сказать: «да, я знаю, это секретная лаборатория КГБ, там проводят опыты на людях, а твой сосед — бывший ведущий научный сотрудник». Нельзя.

Потому что — паника.

Мне говорили люди сверху: если правда выйдет — будет паника. А паника — хуже любого вторжения. Люди — как животные, когда им страшно. Кто-то возьмётся за агрессию — пойдёт грабить, жечь, убивать. Кто-то построит бункер и будет сидеть там с семьёй, сжимая ружьё. А третьи — те, кто обычно на столах у наших учёных. Жертвы ради великой науки. Они были, есть и будут.

Но никто, мне кажется, здесь не злодей. Все работают на благо общей цели. Ради людей. Таблетки тоже испытывали — на людях, на животных. И сейчас мы их спокойно пьём. Голова болит — пьём. Температура — пьём. А кто-то умер, чтобы эта таблетка появилась. Както так.

Ещё скажу — я актриса. Могу войти в роль, притвориться дурочкой в нужный момент. Или — наоборот. Холодной, расчётливой, чужой. Это делает меня оружием. Против людей, которые думают, что я своя, а я — нет. Или — которые думают, что я чужая, а я — своя. Не знают. Не угадают.

Но иногда мне так надоедает быть сильной девочкой. Так хочу пироги печь, внуков видеть. Ставить чайник — и не говорить про объекты, не про курсы, не про мутации. А про день.

ОБЫЧНЫЙ, скучный, живой день.

А не вот это вот — разгадывать квесты по аномалиям в разных концах света. Что там происходит? Мутации людей? Красная жидкость в колбе? Объект меняет курс? Оно мне надо?

Пусть кто-нибудь другой занимается.

Но пока — не могу бросить. Пока — еду. Конверт в кармане, гриф «секретно», лето за окном. И я — Мария Степановна, 59, роковая женщина.

Открываю конверт.

Внутри — один лист. Адрес. Деревня.

Маленькая, на краю. И приписка от руки, синей ручкой: «Аномалия подтверждена. Проверить.

Донесение — лично. 13.09.88».

Эти цифры и год я уже видела. В другой папке. В другом деле. 1988 год — тогда впервые. Дверь открылась в первый раз. Жидкость проступила. Существа пришли. А теперь — опять. Тот же код. Та же дата. Дверь снова откроется 13 сентября. Я сложила лист. Убрала в карман. Посмотрела в окно. Жара, солнце, пыль. Обычное лето. Но я знала — это лето будет последним обычным летом в моей жизни.

Глава 2 Опыты

Подруга оказалась настоящей любительницей слухов. Навивная душа, она верила всему, что слышала от старушек у двора. То пришельцы у них в огороде поселились, то культисты под каждым кустом прячутся. Хорошо, что я знала: любая информация о нашей работе может стоить ей жизни. Слишком много она уже знала. Лаборатория, о которой она рассказывала, была местом проведения самых страшных экспериментов. Там испытывали аппараты «Союз-1» и «Союз-2». Мы пытались доказать, что человек может обходиться без сна, но цена была слишком высока — безумие и смерть. Я видела всё это своими глазами. Особенно запомнился случай с добровольцем Павлом Александровичем. Здоровый как бык спортсмен, он не выдержал введения сыворотки. Его рука распухла, тело билось в судорогах, изо рта шла пена. Он умер прямо на столе, став пациентом №111.

После его смерти на месте укола остались странные пятна. Они были не трупными, а какими-то ядовитыми. При нажатии покрывались плёнкой.

В архиве хранились все документы о наших экспериментах. Я тщательно скрывала их от посторонних глаз. Подменила папки с отчётами о работе с животными на зачёты курсантов. И под стол приклеила папку скочем с опытами на людях чтобы никто не увидел обматала так что никто не заметит хотя...

Мы проводили жуткие опыты: облучали людей радиацией, пытались создать «сверхлюдей», добавляли радиацию в

половые клетки. Большинство подопытных умирало от лучевой болезни или рака.

Недавно ко мне пришёл участник экспедиции в ту самую деревню. В возрасте нормальный мужик харизматичный Иван Петрович. Я сразу поняла — это мой человек. Он знал о нашей деятельности, но оставался в системе. Как то он спрашивал про детей я ответила что сын взрослый лет 39 работает совсем взрослый стал он понял меня.

Теперь мы отправляемся в деревню. Мне выдали старый, но надёжный Макаров. У меня есть опыт обращения с оружием. Нас разместят в безопасном доме в лесу. Надеюсь, он не пригодится. Но лучше быть готовой к любому развитию событий.

Завтра начинается новая глава нашей истории. Завтра мы узнаем, что скрывается в этом загадочном бункере и какие ещё тайны хранит

эта деревня.

Перед отъездом мы с Ваней разговаривали о нашем общем знакомом — Волкове Серёге. Спортсмен, что не вылезает со спорта. Крепкий, здоровый — главное, здоровый. И весёлый. Он знал, что мы делаем. Был доверенным лицом — ему можно было рассказать тайну. Он бы не рассказал её никому.

Как-то на днях подходит к нам и говорит:

— Нужны добровольцы?

Свободно так говорит, на публике. Мы с Ваней отвели его

в сторону.

— Серёга, тише, — сказала я. — Будь осторожнее.

Люди вокруг. Паника нам не к чему.

Серёга понял. Кивнул. Я объяснила: да, набор идёт. Люди есть, но нужен ещё один. Крепкий, сильный, чтобы выдержал удары.

Серёга загорелся.

— Ну так я! Я могу им стать! Я всё выдержу, честное слово! — и смотрит на нас. Мы с Ваней уставились друг на друга. Он головой мотает. Я отворачиваюсь и беру взгляд на Серёгу. А он — весёлый такой. — На благо науки! Всё будет хорошо! Я вытерплю!

Ваня сказал:

— Не надо тебе это, дружище. Лучше оставь эту затею. Других найдём. Всё-таки ты наш общий друг. Мы ценим тебя.

Серёга засмеялся, обнял нас.

— Не переживайте, друзья. Мы справимся! Я подумала: здоровяк Серёга. даже как-то жалко его. Ладно. Он поедет с нами в деревню. Там и проведём опыт. Серёга станет первым, кто попробует всю дозу. У нас нет времени на медленную работу — ведём всё сразу. Всё задокументируем на плёнку, на кассету.

Эх, Серёга. Ну ладно.

Серёга ушёл. Мы с Ваней сели в автобус. Ехать было долго. Ехали со всем оборудованием. Там было две деревни. Од-

на — тихая. Вторая — интересная, с бункером. Вот к ней мы и пойдём. Там ещё и шахта есть. Люди работают сутками, не жалеют себя, как рабы. Говорят, находят много драгоценных камней, да золото. Короче, если хочешь золота — иди направо. Ну, это Ваня так однажды сказал. Но не суть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.